

Е. Н. Опочинин

Рассказы

Русский охотничий рассказ / Сост., авт. предисл. и примеч. М. М. Одесская.-- М.: Советская Россия, 1991.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Артемий "Богач". Рассказ

Лесные певцы. Очерк

Зайцы. Рассказ

Жмырь и "Корноухий". Рассказ

АРТЕМИЙ "БОГАЧ"

Рассказ

В прескверное весеннее утро началось мое знакомство с Артемьем. Забравшись спозаранку в шалаш, верстах в трех от дома, я терпеливо дожидался вылета токовилов, но дождался только того, что поднялся ветер, холодный, пронизывающий, и пошел дождь вперемежку с так называемой крупой. Окоченев от холода, в мокрой одежде, я вылез из шалаша, перекинул за спину ружье и, еле передвигая ноги, потащился домой. Неприветливо смотрел в это непогожее утро весенний пейзаж: голые деревья уныло качались и пощелкивали обледеневшими ветвями, бурая поверхность полян рябила белыми пятнами выпавшей крупы. Только что начинало светать, а в деревне, лежавшей в стороне от моего пути, уже кое-где мигали огни. Я хотел свернуть туда и погреться на перепутье, как прямо передо мной из-за рядовика блеснул огонек в заброшенной усадьбе Сазоновке, и мне припомнилось, что там недавно поселился новый сторож родом, как говорили, не то туляк, не то орловец, получивший почему-то в народе прозвище "богача". Усадьба была ближе, да притом и по дороге, и я решительно пошел на огонь, раздумывая, где бы мог поместиться сторож. Жилых построек в Сазоновке, я знал, было несколько, но едва ли хоть одна из них годилась для жилья. "Неужели он поселился в доме? -- спрашивал я себя, припоминая большое каменное здание с просторными комнатами и двусветной залой, где в старые годы мне приводилось бывать за всенощной, когда в усадьбу приносили чудотворную икону из ближнего монастыря, и мне словно жаль становилось старого помещичьего дома.-- В "людской" жить нельзя,-- рассуждал я,-- она совсем развалилась. Вот разве в "канцелярии", устроенной в старой баньке, хотя и она очень уж ветха..." Дойдя до усадьбы, я убедился, что последнее предположение мое было верно: сторож действительно жил в "канцелярии", собственно, в одной ее половине, представлявшей низенькую конурку аршин пять в длину и столько же в ширину. Когда, толкнув дверь, я вошел в конурку, с старинного кресла, очевидно, прежнего "барского", найденного где-нибудь на чердаке или в сарае, поднялся мужик в синей домотканой рубахе, завязанной у ворота тесемочкой, и спросил:

-- Кто это тут? Кого бог дает?

Я поздоровался и назвал себя, объяснив, что зашел погреться.

-- Озяб в шалаше-то, с ночи забрался, да вот и не высидел,-- сказал я.

-- Как, чай, не озябнуть, милый человек, вишь -- стужа какая!

-- Ну, а ты тут как живешь, на новоселье-то? -- спросил я, чтобы нарушить наступившее молчание, и, посмотрев на черные от копоти со сквозными "на волю" щелями стены "канцелярии", добавил: -- Холодно, чай?

-- Что ты, милый человек! Какое холодно! Святло, тятло, умирать не надо... Вот как хорошо!

Я сначала думал, что мой хозяин шутит, добродушно смеется над своей квартирой, но нет: в голосе его слышалась искренность, и в глазах отражалось видимое удовольствие.

-- А в щели разве не дует? -- спросил я.